

А. Архангельский

Пушкина жалко

1 декабря 2006 в прокат выходит фильм **Нatalьи Бондарчук «Последняя дуэль»** — первый постсоветский художественный фильм о Пушкине. Очередная версия смерти поэта: Пушкин стал жертвой мирового антироссийского заговора

Пушкин пластичен, как конструктор «Лего», — это свойство любого гения. В зависимости от конъюнктуры собрать из него можно все, что угодно: в очередную годовщину он легко становился то певцом самодержавия (1899 год), то певцом революции (как в 1937), то защитником демократии (как в 1999). История описала славный круг: Пушкин-2006 — друг власти и царя, комнатный либерал, не попирающий «основ», — опять пред нами во всей своей красе, со всеми своими бакенбардами.

Рекламный слоган фильма: «Пришло время узнать правду». Сюжет: Пушкина погубил не Дантес — он лишь орудие, но заговор могущественных врагов России, главные из которых — граф Нессельроде и министр просвещения Уваров, а также ряд салонных дам. Тараканы эти, конечно, виду не кажут, улыбаются только дерзко при встрече и рожки поэту наставляют. Анонимные письма Пушкину на самом деле метят в царя (намекают на его связь с женой Пушкина) — и таким образом направлены на ослабление страны. За расследование дела Пушкина берется знаменитое Третье отделение (во главе с Бенкендорфом). Один из главных вопросов фильма также: «Изменяла жена Пушкину или нет?» — и тут авторы, надо сказать, попали в точку: вопрос этот уже 200 лет не дает покоя русской интеллигенции; обсуждение темы до сих пор у нас считается признаком высокого духа и образованности.

Пользуясь случаем, возопим: сколько можно? Почему это всех так волнует? Станем ли мы духовно богаче от того, что узнаем ответ? Не слишком ли узкая тема для великой культуры? Не личное ли это дело Пушкина и его жены, в конце концов? Но нет: продолжают варить статьи, фильмы и исследования — и в результате сплошная «наталья николаевна» уже отдельной телегой едет впереди обоза под названием «пушкинистика». Однако в фильме Натальи Бондарчук появляется и нечто новое — теперь важнейшую, едва не решающую роль в «деле Пушкина» играет охранка.

Дураку понятно, что про спецслужбы сейчас приятно только хорошее — но непонятно, зачем это... Пушкину?

Охранка в фильме патриотична и принципиальна: наряду с холодной головой у нее охочее до поэзии сердце. Рассказ в фильме идет от лица офицера Галахова — одного из секретных «наших» и друга (!) Пушкина (Виктор Сухоруков). Охранка вся, собственно, на деле и является лучшим другом поэта. «Вы — друзья ему? — гневно пеняет генерал Дубельт Жуковскому. — Вяземский отвернулся от него, вы уехали... А мы все знали — только предотвратить не успели». Жуковский плачет. Ну конечно. Все знали, все предвидели. Хотели спасти — не успели. Доверять потому что надо

спецслужбам. Мы же вам всем добра хотим, а вы нам — не верите (Лермонтова, кстати, охранка тоже в фильме предупреждает, мол, теперь ты у них следующий — но тот, дурашка, не верит). Никогда еще со времен Николая I спецслужбы не играли такой яркой роли в судьбе русской литературы. Как и шпионы, которые просто сгрудились вокруг Пушкина.

Так, как в этом фильме, иностранцев у нас не изображали в кино лет двадцать.

Иностранец почти обязательно шпион (Геккерен — австрийский, а Нессельроде — немецкий); кроме того что подлец, он еще и по-русски говорит на том особом, фашистском «ломаном». Ключевые фразы тоже выдают предателя с головой: когда нидерландский посланник и приемный отец Дантеса, барон Геккерен, уговаривает Наталью Николаевну бросить мужа и уехать «из этой варварской страны», он говорит так, как все подлецы, — не прямо, а грязными намеками, с обильным слюноотделением — «этот камень нюждается в дорогой оправе» — и ручки волосатые тянет к жене нашего всего... В соответствии с законами советского кино враг всегда обязан обладать не одним, а сразу всеми отталкивающими чертами: у Геккерена и Дантеса подчеркнута нетрадиционная сексуальная ориентация, они ненавидят все русское и просто физически неприятны.

...К графу Карлу Васильевичу Нессельроде на улице подбегает мальчик, просит купить газету. «Я не читаю русских газет, мальчик», — тщательно шипя согласными, отвечает граф Нессельроде (министр иностранных дел России и правда плохо говорил по-русски). Мальчик просит копейку. «Пшел отсюда!» — кричит Нессельроде. «А у тебя нос длинный», — замечает тогда оборвыш. У нас любой нищий — патриот, не хуже царя. Чужого нюхом чует. У нас возле дома Пушкина стоит огромная толпа простых людей, ожидая последней информации о Пушкине. Стоят сутками. Полицейские, извозчики, бабы с детками. Интересно — они не работают все, что ли? (В России, напомним, до отмены крепостного права еще 30 лет.) Вероятно, хозяева отпустили слуг на митинг (от английского meet — «встреча») по такому случаю. Ну да, приходит извозчик к барину: барин, тут, это, Пушкин помирает, так что я сегодня никак не могу вас возить, звиняйте, пойду возле их дома стоять. Иди, голубчик, благословляет барин, утирая слезу. Все идите. Вся Россия там будет. Я сейчас оденусь и тоже приду.

Сам же Пушкин в фильме потрясающе прозорлив, все понимает. Про политику и про угрозу России. Вообще, такое ощущение, что Пушкин, которого играет Безруков, списан не с книг и воспоминаний, а с анекдотов, приписываемых Хармсу. Вот Пушкин громко, на морозе, нараспев читает свои стихи о Медном всаднике, стоя, естественно, под памятником; уличные разносчики узнают Пушкина в лицо и кланяются: «Здравствуйте, Александр Сергеевич, не хотите ли баранок?» А он отвечает: нет, спасибо. И с любовью эдак смотрит. На ночь детям свою же сказку и читает — о царе Салтане. С царем лично Пушкин на короткой ноге — они как бы друзья, братья. Царь с неповторимой интонацией: а ты помнится, чего-то там про пугачевский бунт хотел писать? Эх, жаль ты мне раньше не сказал — я бы тебе одного человечка подослал... Кажется, еще слово — и Пушкин хлопнет государя по плечу и скажет: братан, ну че ты, в натуре, какие обиды? Мы же кореша, договоримся.

Есть такое выражение: «Пишет хорошо — как орловский помещик». Безруков тоже играет Пушкина «хорошо», то есть таким, каким его знают на уровне фольклора: поэт должен громко и нараспев читать стихи, кривляться, обреченно стучать пером по бумаге, быть вспыльчивым и сексуально озабоченным. Как-то раз подходит Наталья Николаевна к карете, глянь — а там Пушкин с лицом Безрукова. Давай прямо здесь, Наташа, говорит ей Пушкин. А жена ему — САША! Ну как не стыдно, люди кругом! (в роли НН — Анна Снаткина, героиня сериала «Участок»). Потрясающая сцена. Далее Пушкин, по-видимому, все-таки добивается своего, но занавес медленно опускается на потрясенного зрителя. Ну да, а что ж он — не человек? «В советские годы о Пушки-

не практически ничего сказать было нельзя — все темы были под запретом», — сказала режиссер Наталья Бондарчук на пресс-конференции. Ну вот, как говорится, и дождались. Правды.

У Гоголя есть повесть «Портрет», которую бы стоило перечитать многим нашим актерам: она о том, как талантливый художник начинает заниматься халтурой, а назад пути уже нет. Безруков — жертва сериального формата, где нужно быстро и плоско; это неизбежно накладывает отпечаток на всю жизнь. Сериальный актер умело оперирует двумя-тремя ходовыми приемами, он все играет с придыханием, с той подчеркнутой однозначностью и интонацией, которую во ВГИКе ласково именуют «актер актерыч». Для сериала это хорошо, но в художественном фильме актерские рога торчат куда заметнее, чем условные рога Пушкина. У Безрукова — Пушкина нет ни полутонов, ни нюансов, и это не исправить ни 24-часовым усердием, ни количеством дублей (говорят, Безруков выкладывался в «Пушкине» как никогда). В итоге Пушкин в исполнении Безрукова равен Саше Белому из «Бригады», который, в свою очередь, равен Сереге (Есенину) из сериала «Есенин». Безруков всегда играет ОДНО — вот в чем беда. Поберегись — говорят в таких случаях грузчики. Поберегись — иначе зашибет: все герои Безрукова действуют с одинаковым всепобеждающим напором и страстью — стихи ли читают, конкурентов ли мочат, стреляют либо стреляются. Нараспев. Нараспашку.

Есть, впрочем, вещь, за которую стоит сказать спасибо: Пушкина — настоящего Пушкина — в конце фильма действительно становится жаль. Человек, которого при жизни попробовал бы кто обидеть (21 дуэль, кстати, так что дело было привычное), после смерти ничем защититься от благодарных потомков не может. А скольких бы мог осадить, если только представить... Но что уж теперь о том.